

Ein Knabe, der träumt, или Опьянение властью

ВЛАДИМИР МИРОНОВ

Член-корреспондент, Российская академия наук (РАН); декан,
философский факультет. E-mail: vlamironov@yandex.ru.

ДАГМАР МИРОНОВА

Доцент, факультет политологии. E-mail: dagmar@mail.ru.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ).
Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер; «смерть автора»;
национал-социализм; философ и власть.

В статье анализируются несколько векторов проблем, которые оказались порождены выходом в свет «Черных тетрадей» Мартина Хайдеггера. Прежде всего делается попытка дать варианты объяснений данной публикации именно в такой форме, как это ныне осуществлено. Предполагается, что таким образом Хайдеггер ставит своеобразный философский эксперимент. Объектом этого эксперимента выступает он сам как личность, мысли которого остались зафиксированными и дошли до нас. В центре этого эксперимента оказалась сама форма «отложенного» размышления, которое отражает события во времени их происхождения. Чистоту эксперимента обеспечивает физическое «отсутствие автора», который уже

не может повлиять на оценки его текстов и поступков. Это своеобразная модель «возвращения автора», так как мы не можем игнорировать его мнение и одновременно своеобразное опровержение постмодернистского тезиса о «смерти автора». Оказывается, что в целом ряде случаев мы обязаны автора учитывать.

Подробно рассматривается проблема «опьянения» философа идеей национал-социалистической революции и его позиция философа-идеолога в период ректорства Фрайбургского университета. Анализируются многочисленные идеологические речи философа и рассматривается вопрос о взаимоотношениях философии и власти в целом.

Как может такой необразованный человек, как Гитлер, управлять страной?

Карл Ясперс

Образование совершенно не важно, — ответил он, — вы только посмотрите на его великолепные руки!

*Мартин Хайдеггер*¹

В ПОСЛЕДНИЕ пять лет произошел взрыв интереса к творчеству Мартина Хайдеггера, во многом спровоцированный им самим: по его указанию публикация так называемых «Черных тетрадей» была осуществлена в конце издания полного собрания его сочинений. Эти записи, которые он вел с самого начала своего творчества, заставляют нас по-новому взглянуть на него как философа и человека.

Перед нами предстают два Хайдеггера. Маститый философ и активный участник событий, которые в нашей культуре однозначно осуждаются. Центральным предметом дискуссии, вызванной публикацией «Черных тетрадей», таким образом, выступает вопрос о том, насколько мы можем связывать мыслительную позицию философа с тем режимом, при котором он жил и на который в определенной степени работал. Поскольку сама ситуация уже была предметом дискуссии, то по сути мы имеем сегодня лишь некоторую перегруппировку аргументов, и новая волна публикаций не меняет основных подходов к оценке философа.

Обвинительный подход «основывается, во-первых, на идее о непростительности грехопадения Хайдеггера, а во-вторых, на утверждении о том, что его заигрывания с нацизмом не были случайными, а коренились в системе хайдеггеровских философских убеждений, внутренне породненных с фашистской идеоло-

1. Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка 1920–1963 / Пер. с нем. И. Михайлова; под ред. Н. Федоровой. М.: Ad Marginem, 2001. С. 304.

гией «почвы» и «крови»². Вопрос здесь стоит о степени слияния философии с национал-социалистической идеологией.

Адвокатский основан на «реабилитации» мыслителя, так как его «грех» не повлиял

... на грандиозность хайдеггеровского вклада в мировую философию; [его представители] объявляют сам вопрос о политической ангажированности мыслителя неинтересным или нерелевантным в внутренней логике философского мышления³.

Объективный подход пытается разобраться в наследии философа, в том числе с учетом вовлеченности его в поддержку нацистских идей. Этот подход, которого мы пытаемся придерживаться, выводит нас на более общую проблему соотношения философии и идеологии, философа и власти. Мы здесь занимаем скорее пессимистическую позицию, которая связана с признанием того факта, что связь Хайдеггера с «национал-социалистической революцией» (термин самого философа) была достаточно тесной и на уровне идей, и на уровне деятельности⁴. Есть и иные позиции (см., например, очень интересное исследование Светланы Погорельской⁵).

В этих рамках интересно выявить проблему соотношения позиции Хайдеггера как философа, погруженного в мыслительные рефлексии, далеко отстоящие от действительности, и его деятельность в качестве представителя нацистской власти на посту ректора⁶, когда философские рефлексии становятся теоретическим фундаментом для принятия даже достаточно рутинных административных

2. *Мотрошилова Н. В.* Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие — время — любовь. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2013. С. 462.

3. Там же.

4. Некоторые аспекты этой позиции были нами рассмотрены в статье: *Миронов В. В., Миронова Д.* Философ и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 21–38.

5. *Погорельская С. В.* «Черные тетради» в контексте меняющейся германской идентичности (аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 2017. № 1. С. 162–177.

6. Согласно министерскому указу от 21 апреля 1933 года, во всех университетах Германии было предписано провести выборы новых ректоров и деканов на срок с 1 мая 1933 года до 15 октября 1934 года. Первым ректором Франкфуртского университета был избран Эрнст Крик, который лишь накануне выборов стал профессором педагогики и был отъявленным нацистом. Хайдеггер стал ректором лишь через пару недель.

и пропагандистских решений⁷. Короткий период его ректорства показывает, что национал-социализм был не временным увлечением, а скорее формой реализации его философских идей.

Для нас в этой ситуации наиболее интересным является вопрос о взаимоотношении философа и власти и допустимой степени близости мыслителя к власти. Поэтому речь идет не о «пересмотре» вклада Хайдеггера в развитие мировой философии — он, безусловно, является одним из крупнейших философов не только XX века, но и мировой философии в целом, — а, скорее, об уроке, который Хайдеггер преподносит нам на собственном примере, показывая, что даже «величие мысли» в ряде случаев не является абсолютной гарантией «чистоты помыслов и поступков» в реальной жизни.

Поэтому вряд ли следует, как нам предлагают Эмманюэль Фай и Ричард Волин⁸, вводить своеобразные «моральные предупреждения» о связи с национал-социализмом при чтении трудов Хайдеггера. Но не может быть и обратного запрета исследовать проблему влияния на творчество философа его альянса с властью вообще, а тем более с властью тоталитарного типа или даже преступной властью, как это кратковременно произошло с Хайдеггером. И вряд ли здесь объективным будет подход «защиты» Хайдеггера с позиции того, что общество пока не достигло уровня его понимания⁹.

Философу не дано определить, что станет более действенным в сознании людей — его фундаментальные рефлексии или речи

7. Не с этого ли началось формирование позиции Арндт, много рассуждавшей позже о феномене «банальности зла», проявлением которого становятся те обязанности, которые берет на себя человек, например выполняя некие административные функции в системе? Заняв пост ректора, Хайдеггер (мы не знаем его внутреннего отношения к этому) стал организатором целой серии мероприятий, посвященных Лео Шлагетеру, одному из «мучеников» национал-социализма, и таких «банальных» административных решений он принимал достаточно много. См., напр.: *Heidegger M. Aufbau einer neuen geistigen Welt // Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000 (1975–). Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 82.*
8. Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия / Под ред. М. Ларюэль и Э. Файя. М.: Дело, 2018.
9. «То обстоятельство, что Хайдеггер завещал опубликовать „Черные тетради“ через 40 лет после его смерти, говорит, на мой взгляд, не о том, что он предлагал оценивать через призму „Черных тетрадей“ всю его философию, но лишь то, что он ждал, пока человечество сможет более объективно и непредвзято оценивать исторические события его эпохи. В оценке нужного для этого срока, как мы видим, он был излишне оптимистичен» (Фалёв Е. В. «Черные тетради» и новый виток суда над Хайдеггером // Философское образование. Вестник Межвузовского центра по русской философии и культуре. 2016. Т. 34. № 2. С. 37).

или даже индивидуальные беседы. И понятно, что в речах перед массовой аудиторией Хайдеггер, даже если опирался на сложные теоретические рефлексии, разворачивал их применительно к пониманию массы, выполняя тем самым функцию идеолога, помогающего косвенным или прямым образом мобилизовать толпу к действиям. Это ставит проблему ответственности философа как мыслителя за свое воздействие на других. Поэтому хотя аргумент, что «ни один человек не стал нацистом, прочитав Хайдеггера»¹⁰, и справедлив и нельзя на этом основании запрещать его тексты, но одновременно столь же верно, что приверженцами нацистской и любой другой идеологии часто становятся люди, которые вовсе не читают никаких текстов, но впитывают «выброшенные» в толпу идеи, а Хайдеггер это делал, и делал превосходно. А значит, он все-таки несет моральную ответственность за свои идеи.

Сам факт и условия, которые были установлены Хайдеггером для публикации «Черных тетрадей», преподносят нам определенную загадку. По его указанию, как известно, публикация так называемых «Черных тетрадей» была осуществлена в конце издания полного собрания его сочинений. Это были его, по сути, дневниковые записи, но он их переписывал «набело», а значит, гипотетически мог вносить изменения.

Перед нами не столько «Дневник мысли», наподобие того, что оставила Ханна Арендт, а «Размышления» (*Überlegungen*) и «Заметки» (*Anmerkungen*), тщательно переписанные рукой Хайдеггера¹¹.

Мы, наверное, не узнаем, произвел ли он какие-либо коррективы в этих записях или «убрал» какие-то фрагменты. Но и того, что осталось, достаточно для серьезных обвинений философа в увлечении нацизмом, и тогда факт их публикации означает, что Хайдеггер не отказывается от этого и предлагает нам, читателям, оценивать это из нашего времени. Наверное, с нами не все согласятся, но по-своему это тоже мужественная позиция, на которую в аналогичной ситуации были способны отнюдь не все. Как мы покажем ниже, многие и достаточно известные немецкие философы, связанные в свое время с нацизмом, поступали обратным образом и корректировали свои работы, выпущенные в годы нацизма.

10. Там же. С. 40.

11. Интервью Александра Басова с Эмманюэлем Файем // Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия. С. 305.

Хайдеггер же достаточно четко отстаивал свою позицию до конца жизни и, вполне вероятно, желал сделать публичным достоянием

...записи из своих так называемых «Черных тетрадей», отражающие отчасти и самые мрачные и злостные стороны его мысли, может быть, потому, что он считал, что ход истории принесет оправдание национал-социализму¹².

Мы попытались в одной из статей показать, что в альянсе философа и власти первый неизбежно проигрывает и вынужден «играть» по правилам властителей. Хайдеггер был в этом не одинок. В такой же «капкан» попали весьма многие, начиная с Платона и Аристотеля¹³.

Публикация «Черных тетрадей» в совокупности с опубликованной перепиской философа с Ханной Арендт¹⁴ и Карлом Ясперсом¹⁵, а также перепиской Арендт и Ясперса¹⁶, дневниками Арендт¹⁷, материалами 16-го тома собраний сочинений Хайдеггера¹⁸ и изданными ранее документами из хайдеггеровского ежегодника¹⁹ позволяет взглянуть на проблему в широкой перспективе. Благодаря публикации своих размышлений Хайдеггер присутствует теперь почти в реальном смысле, ибо позволяет корректировать как понимание собственных взглядов, так и те описания его взглядов, которые уже были сделаны до данных публикаций. А значит, роль автора во многом оказывается центральной, что в определенной степени подвергает сомнению один из самых известных тезисов постмодернизма — «смерть автора», — который в явном или неявном виде позволяет снять ответственность автора за текст, а также лишает его претензий «на авторские права» в интеллектуальном смысле.

После «смерти автора» количество новых интерпретаций, претендующих на истинное восприятие и понимание текста, может

12. Там же. С. 307.

13. См.: Миронов В. В., Миронова Д. Указ. соч.

14. Арендт Х., Хайдеггер М. Письма 1925–1975 и другие свидетельства / Пер. с нем. А. Григорьева. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.

15. Хайдеггер М., Ясперс К. Указ. соч.

16. Arndt H., Jaspers K. Briefwechsel 1926–1969 / L. Köhler, H. Saner (Hg.). München; Zürich: Piper, 1985.

17. Arndt H. Denktagebuch 1950–1973 / U. Ludz, I. Nordmann (Hg.). München; B.; Zürich: Piper, 2016.

18. Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 16.

19. Heidegger-Jahrbuch 4: Heidegger und der Nationalsozialismus I / A. Denker, H. Zaborowski (Hg.). Freiburg; München: Karl Alber, 2009.

оказаться весьма большим. Еще Сократ отмечал, что смысл текста может защитить только сам автор. Это был один из аргументов против письменности как фиксации текста, то есть возможности его отчуждения от автора. Именно отчуждение текста от автора есть условие «смерти автора», так как, например, в устном диалоге это просто невозможно, кроме варианта физической смерти оппонента.

Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде, и у людей понимающих, и, равным образом, у тех, кому это вовсе не подобает, и оно не знает, кому оно должно говорить, а кому нет. Если оно вызывает пренебрежение или его несправедливо ругают, то оно нуждается в помощи своего отца, а само не способно ни защищаться, ни помочь себе²⁰.

Оказалось, что смерть автора по отношению к отчужденному тексту может не устраивать самого автора, и Хайдеггер представляет своеобразную модель «возвращения автора», так как мы не можем игнорировать его мнение. Хайдеггер избрал путь «отложенного» возвращения, заставив опять говорить о себе. Мы не можем теперь читать работы философа без вновь возникшего контекста, тем более что текст «Черных тетрадей», по сути, создавался параллельно с философскими текстами, которые уже были прочитаны без знания этого материала.

Более того, в этой ситуации очень трудно заставить автора замолчать, что было бы возможно в реальной его жизни. Это отмечает его сын Герман Хайдеггер, издатель некоторых томов полного собрания сочинений Мартина Хайдеггера:

Мне как сыну нелегко вновь обнародовать высказывания моего отца 1933 года, которые тогда, в духе настроения подъема, были восприняты чаще всего без критики, даже преимущественно приветствовались, но не предвидели развитие. Однако, будучи историком, я обязан воспроизводить и те высказывания своего отца, которые явно показывают, как и значимый мыслитель может политически заблуждаться... В порыве настроения национального подъема, в 1933 году он политически ошибся относительно оценки национал-социализма и его фюрера, вместе со многими другими значимыми людьми. Это он уже понял накануне Нового, 1934 года²¹.

20. Платон. Федр / Пер. с др.-греч. А. Н. Егунова; под ред. Ю. А. Шичалина. М.: Прогресс, 1989. С. 66.

21. Heidegger H. Nachwort des Herausgebers // Gesamtausgabe. Bd. 16. S. 835.

И далее Герман Хайдеггер дает подборку материала, которая должна нас убедить, что это был лишь краткий период заблуждения:

Из его лекций и семинаров 1934–1944 годов четко понятно, что он был противником национал-социалистической расовой и идеологической политики... Глубокое мышление моего отца не имеет ничего общего с фашистскими тенденциями. Оно вернулось к истокам европейского мышления и попыталось пойти новыми путями. У моего отца, что упускается из виду в полемических спорах из-за его политического заблуждения 1933 года, не было ни одного ученика, которого можно было бы назвать национал-социалистом²².

Однако мы вынуждены не согласиться и попытаться показать, что Хайдеггер все-таки воспринял нацизм весьма позитивно и во все не на короткий промежуток времени. И главным аргументом здесь выступает сам Хайдеггер. Уже его первое «возвращение» вызвало много споров и обсуждений. Речь идет о последнем интервью философа журналу «Шпигель» в 1966 году²³. Оно долго оставалось загадкой, ибо по собственной просьбе философа было опубликовано лишь через десять лет — 31 мая 1976 года, сразу после его смерти. Это показывает, насколько он тщательно готовился к этому акту «возвращения». Мысли Хайдеггера в этом интервью чрезвычайно интересны, вплоть до предсказания возникновения того, что ныне обозначают как дигитальная философия²⁴. Что касается нашей темы, то в интервью Хайдеггер прямо говорит о том, что не видел альтернативы возникшему нацистскому движению, прежде всего для проведения реформы университета: «При всеобщем разброде мнений и политических тенденций 22 партий надо было искать какую-то национальную и, главное, социальную установку». То есть мотивом выбора выступает критерий «национальной» установки и соответствующей политической программы, в качестве которой, по Хайдеггеру, национал-со-

22. Ibid. S. 837.

23. См.: Spiegel-Gespräch mit Martin Heidegger (23 September 1966) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 16. S. 652–683 (полный перевод на русский см.: Хайдеггер М. «Только Бог сможет еще нас спасти...» // Heidegger.ru. URL: <http://www.heidegger.ru/shpigel.php>).

24. На один из вопросов интервьюера Хайдеггер отвечает тем, что сегодня уже нет философии, а «роль прежней философии взяли теперь на себя науки. <...> Философия распадается на отдельные науки: психологию, логику, политологию. „Шпигель“: А что теперь занимает место философии? Хайдеггер: Кибернетика» (Ibid. S. 674).

циализм подходил лучше всего. Кроме того, именно эта установка соответствовала его давним мечтам о реформировании немецкого университета, которые он долгое время обсуждал с Ясперсом еще до прихода нацистов к власти.

Журналист спрашивает Хайдеггера об оценке фюрера в те годы, цитируя слова философа:

Не правила из учебников и идеи управляют вашим бытием. Фюрер — сам и только он — есть сегодняшняя и будущая немецкая действительность и ее закон.

В ответ Хайдеггер, хотя и говорит, что сегодня он не стал бы повторять этих фраз, тем не менее отмечает, что именно национал-социализм уловил тенденции, связанные с преодолением человеком господства «планетарной техники» и

...шел в этом направлении, но эти люди были слишком непритязательными мыслителями, чтобы выработать действительно ясное отношение к тому, что происходит сегодня и что надвигалось на нас уже в течение трех столетий²⁵.

То есть Хайдеггер в период господства национал-социализма попытался практически реализовать некоторые свои идеи (в том числе преобразования университета), вступив в альянс с властью, пытаясь использовать власть в своих интересах, но, как мы уже сказали, результат оказался прямо противоположным при всей, возможно, оправданности пожеланий философа. Хайдеггер затем часто повторял, что инертно относился к национал-социализму как теории и не читал даже «Майн кампф», что, однако, тоже подвергается сегодня сомнению²⁶.

В позиции Хайдеггера того периода наглядно отразилась безысходность ситуации в восприятии большинства мыслителей

25. Ibid. S. 677.

26. «...вопреки утверждениям Ханны Арендт, нам теперь известно, что он весьма рано прочитал и высоко оценил *Mein Kampf*» (Интервью Александра Басова с Эммануэлем Файем. С. 317). Ср.: «На самом же деле есть серьезные основания предполагать, что Хайдеггер не только читал гитлеровский опус, „Майн кампф“, но и одобрительно к нему относился. Том Рокмор (*Rockmore*) убедительно писал о том, что в речи Хайдеггера, произнесенной по вступлению в ректорскую должность, „многочисленные упоминания о битве задуманы как явная ссылка на одиозную гитлеровскую идею борьбы за исполнение предначертанной судьбы немецкого народа, сформулированную в „Майн кампф“» (Стайнер А. Дело Мартина Хайдеггера, философа и нациста. Ч. 2 // World Socialist Web Site. 15.07.2000).

Германии. В этом смысле, как отмечает Нелли Мотрошилова, «мутного потока национал-социалистического движения»²⁷ удалось избежать очень немногим, и, учитывая репрессивный характер режима, вряд ли у нас есть моральные основания обвинять тех или иных людей за эту позицию.

Однако, осознавая всю «мутность потока», часть мыслителей бросалась в него с удовольствием, и этого искушения не удалось избежать и Хайдеггеру. Не случайно мы говорим об «опьянении властью», затмевающим разум и заставляющем увидеть в тиранической жизненной силе, способную помочь реализации собственных идей²⁸. Следует признать, что среди немецких философов это было общим моментом. Вот некоторые факты. Перед приходом нацистов к власти в немецких университетах профессоров философии было по современным меркам немного: около 56 профессоров философии во всей Германии. Профессор был руководителем кафедры²⁹. Почти с самого начала в Германии стали приниматься законы по этническому ограничению занятия государственных должностей, к каковым относилась и должность профессора³⁰. Уже

27. См.: Мотрошилова Н. В. Указ. соч. С. 463.

28. Правда, Ясперс, как показывает Михаил Рыклин, анализируя их переписку, дает другой термин, объясняющий позицию философа. «Он сравнивает его с „мечтательным мальчиком“ (*ein Knabe, der träumt*), который в своей невинности дал себя увлечь „зловещему“, не перестававшему затем, вопреки его воле и предвидению, нарастать и в этом нарастании повлекшему непредсказуемые последствия. Хайдеггер с радостью принимает данный образ, делая акцент на своей наивности и неискушенности в узко понятом политическом; тем более что и в собственном объяснении в 1945 году он настаивал на полной неискушенности в реальной политике из-за длительного пребывания в высоких духовных сферах» (Рыклин М. Метаморфозы великих гномов // Хайдеггер М., Ясперс К. Указ. соч. С. 34).

29. Кстати, этот количественный фактор проявился неожиданно в наше время, что привело к отстранению от работы профессоров философии и общественных наук после объединения Германии. На территории ГДР в большей степени работала советская схема структуры образования и науки, предусматривающая большее количество профессорских ставок. В ФРГ — более классическая система, поэтому люди, защитившие докторские, с большим трудом могли занять должность профессора. Объединение Германии позволило освобождающиеся ставки занимать западным профессорам, и некоторые из них буквально бросились это осуществлять — как мечту, которая могла бы никогда не осуществиться.

30. На Нюрнбергском съезде НСДАП (15 сентября 1935 года) были провозглашены два закона, принятые рейхстагом, а именно «Закон о гражданстве рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести». Первый фактически лишил гражданства цыган и евреев, так как констатиро-

до принятия этих законов, начиная с прихода Гитлера к власти и особенно после, 30 профессоров были вынуждены покинуть Германию. Среди них такие известные философы, как Эрнст Кассирер, Гельмут Плеснер, Ганс Рейхенбах, Пауль Тиллих и Рудольф Карнап.

Однако некоторые профессора, в том числе и достаточно известные, как отмечает Ханна Арендт, пытались предложить свои услуги нацистам.

Конечно же, и евреи включились бы в единую идеологическую, политическую, управленческую систему (*gleichschalten*), если бы им разрешили... Адорно, кстати, попытался [сделать это] на основе того, что полуеврей, но, к сожалению, не получилось³¹.

Таким образом, оставшиеся в Германии профессора почти без исключения поддержали новую власть, либо прямо вступив в ряды НСДАП (как Хайдеггер), либо проявив свою лояльность режиму и вступив в иные профессиональные или научные союзы, но с обязательным указанием принадлежности к национал-социалистическому движению. Интересна динамика этого процесса.

В 1932 году призыв в пользу НСДАП подписали два философа, в 1933-м — восемь. В ноябре 1933 года был подготовлен документ-призыв «К „Признанию себя сторонниками Адольфа Гитлера и национал-социалистического государства профессоров немецких университетов и вузов“», подписанный 22 философами, среди которых были столь известные персоны, как Ганс Фрейер, Ганс-Георг Гадамер, Арнольд Гелен, Йоахим Риттер. «После 1933 года 22 философа стали членами НСДАП»³².

Хайдеггер стал членом НСДАП 1 мая 1933 года (причем для него было сделано исключение, ибо в этот момент уже вступило в силу решение о прекращении приема в партию до 1937 года³³) и сделал это весьма сознательно, о чем свидетельствует его письмо брату, в котором он объясняет свой поступок и рекомендует это же сделать ему.

вал, что «4.1. Еврей не может быть гражданином рейха. Он не имеет права голоса в политических вопросах, не может занимать должностей в государственных учреждениях».

31. Arendt — Jaspers, 13.04.1965 // Arendt H., Jaspers K. Op. cit. S. 628.
32. “Kaum einer, der sich nicht angepasst hätte”. Interview mit Hans Jörg Sandkühler // Philosophie Magazin. 2015. Sonderheft 03. Die Philosophen und der Nationalsozialismus. S. 57.
33. Хайдеггер вступил в партию одновременно с супругой, придав всему действию несколько театральный и даже интимный характер (см. подробнее: Миронов В. В., Миронова Д. Указ. соч. С. 28).

Тебе нельзя посмотреть на движение снизу, а исходя из фюрера и его великих целей. Я вчера вступил в партию не только по внутреннему убеждению, но и из осознания того, что только таким путем возможно облагораживание и очистка всего движения. Даже если ты в этот момент еще не решишься, я тебе все же советовал бы внутренне готовиться к вступлению... нельзя больше думать о самом себе, а только о целом и о судьбе германского народа, поставленной на кон³⁴.

Кстати, позже, когда уже началась критика Хайдеггера за связь с режимом, именно философы, которым просто не дали по тем или иным причинам примкнуть к нацизму, стали наиболее активными его обвинителями. Ханна Арендт отмечает, говоря о нападениях на Хайдеггера:

Это гротескно, тем более что теперь выяснилось (студенты это обнаружили), что Визенгрунд (полуеврей и один из самих отвратительных людей, которых я знаю) попытался включиться в систему. Он и Хоркхаймер в течение нескольких лет любого человека, который выступал против них, обвиняли в антисемитизме или грозились это сделать. Действительно, отвратительная компания, к тому же Визенгрунд не лишен таланта³⁵.

Она приводит в пример историю, произошедшую с Адорно, которого студент в 1963 году уличил в публикации в 1934 году хвалебного отзыва на цикл песен на тексты Бальдура фон Шираха, посвятившего том стихов Гитлеру. И Адорно в ответ на данную публикацию стыдливо признается в этом, добавляя:

... пусть справедливость решает, имеют ли инкриминированные предложения вес по сравнению с моей работой и жизнью... Тот, кто смотрит на преемственность моей работы, не должен меня сравнить с Хайдеггером, философия которого фашистская во всех своих фибрах³⁶.

Таким образом, по сути, все философы, которые остались в стране, оказались в числе членов нацистской партии или нацистских организаций. Мы констатируем это не в качестве попытки оправдания Хайдеггера, но чтобы показать, что в условиях тоталитарных режимов глубоко экзистенциальная проблема выбора при-

34. *Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 16. S. 93.*

35. *Arendt — Jaspers, 18.04.1966 // Arendt H., Jaspers K. Op. cit. S. 669–670.*

36. *Anmerkung 2 und 3 zu Arendt — Jaspers, 04.07.1966 // Arendt H., Jaspers K. Op. cit. S. 830–831.*

нимает радикальный характер «пограничной ситуации». В этой «массовости» поддержки режима, естественно, были и свои лидеры, которые демонстрировали быстроту смены политических убеждений. Например, изначально сторонник марксизма Йоахим Риттер становится членом НСДАП уже в 1937 году, как и Герман Ноак, исследователь Маркса и защитник Веймарской республики. Степень притяжения к национал-социалистической идеологии была, конечно, разная, и активность участия в данном движении также отличалась у разных философов.

А вот далее ситуация развивается несколько странно. Послевоенные дискуссии вокруг Хайдеггера создают впечатление, что он был чуть ли не единственным, кто вступил в альянс с режимом, при этом многие другие философы (пусть и меньшего масштаба) остаются в тени. Именно в отношении Хайдеггера поступают наиболее жестко, опять же учитывая его масштаб, именно ему запрещают преподавание, причем одним из экспертов для принятия такого решения выступает Ясперс. Опять же — зигзаги судьбы: комиссия запрашивает Ясперса о судьбе Хайдеггера, в том числе и по рекомендации самого Хайдеггера. Более того, судя по всему, ожидалось, что ответ будет благожелательным, однако все пошло иначе.

Перед самым Рождеством 1945 года Ясперс пишет ответ на запрос. Не имея возможности привести его полностью, отметим лишь основные моменты.

Прежде всего Ясперс указывает на антисемитизм Хайдеггера, который начал проявляться в 1933 году. Из переписки с Арендт можно сделать вывод, что это произошло раньше, и антисемитизм был устойчивой частью мировоззрения Хайдеггера:

В остальном я сегодня в университетских вопросах такой же антисемит, как и 10 лет назад в Марбурге, где я за этот антисемитизм даже получил поддержку от Якобсталя и Фридендера. Все это никак не связано с моим личным отношением к евреям (например, Гуссерлю, Мишу, Кассиреру и другим). И уж подавно это никак не может затрагивать отношения к тебе³⁷.

Ясперс перечисляет некоторые случаи, когда Хайдеггер отстранял от работы преподавателей-евреев, отмечая в соответствую-

37. Письмо 45. Мартин Хайдеггер — Ханне Арендт (зима 1932/33) // Арендт Х., Хайдеггер М. Письма 1925–1975 и другие свидетельства. С. 72. Своей супруге Эльфриде он признавался в своем антисемитизме еще в 1910 году.

ющих заявлениях то, что они не соответствуют духу национал-социализма и имеют «активные контакты» с уволенными евреями³⁸.

Отмечая тот факт, что Хайдеггеру «нет равных среди современных философов в Германии» и ему надо дать возможность «работать и писать», тем не менее, исходя из общего видения ситуации,

... необходимо привлечь к ответственности всех, кто помогал упрочивать национал-социализм. Хайдеггер принадлежит к тем немногим профессорам, которые это делали... Если на Хайдеггера не наложат никаких ограничений — что скажут те коллеги, которым придется уйти³⁹.

Второе важное обвинение, как это ни странно, — именно талант Хайдеггера как профессора и учителя. Ясперс отмечает, что именно талант Хайдеггера требует его отстранения от этого рода деятельности.

В нашей ситуации к воспитанию молодежи следует подходить с величайшей ответственностью... Стиль мышления Хайдеггера, который кажется мне по сути несвободным, диктаторским, некоммуникативным, будет ныне роковым в его преподавательском воздействии... Пока в преподавателе не произойдет подлинного возрождения, которое будет заметно в творчестве, его, на мой взгляд, нельзя допускать к молодежи, ныне почти беззащитной внутренне. Сначала молодежь должна прийти к самостоятельному мышлению⁴⁰.

Мы не знаем, насколько Ясперс был в курсе всей ситуации, ибо по документам после 1945 года «наказаны» и лишены своих кафедр были лишь двое: Хайдеггер и Альфред Боймлер. Последний поддерживал НСДАП еще в 1932 году и стал профессором в Берлине в 1933 году. В своей вступительной лекции, давая оценку национал-социализму, он говорил: «Одним словом, можно сказать, что в духовном плане национал-социализм означает замену образованного человека солдатом»⁴¹. После этого студенты дружно направились сжигать книги.

38. См.: *Хайдеггер М., Ясперс К.* Указ. соч. С. 363.

39. Там же. С. 364–365.

40. Там же. С. 365.

41. *Baeumler A.* Männerbund und Wissenschaft. В.: Junker & Dünnhaupt, 1943. S. 129, 130, 137; *Jahr C.* Die nationalsozialistische Machtübernahme und ihre Folgen // *Geschichte der Universität unter den Linden 1810–2010* / Н.-Е. Tenorth (Hg.). Bd. 2. Die Berliner Universität zwischen den Weltkriegen 1918–1945. В.: Akademie-Verlag, 2012. S. 302.

А что же произошло с другими философами, которые в той или иной степени поддержали режим? Большинство из них после процедуры проверки на активность в нацистском движении в 1945 году продолжали работать и даже возглавляли кафедры философии. Лишь очень немногие уехавшие из Германии вернулись, и не все из них продолжили преподавательскую деятельность в области философии⁴². Лишь позже, в 1951 году, и — вновь ирония судьбы — опять же с рекомендации Ясперса⁴³ Хайдеггер был возвращен в преподавательский корпус. Следует отметить, что в этой печальной истории немаловажную роль сыграла и немецкая бюрократия, так как среди «экспертов», влияющих на принятие решений, были часто те же самые, которые в период нацизма выдавали философам справки об их благонадежности по отношению к нацистскому режиму. А справка в тоталитарном обществе, да еще германском, с его нацеленностью на абсолютный «орднунг» обладала (да и обладает) огромным могуществом.

Таким образом, послевоенное поколение студентов философии училось у тех, кто при национал-социализме либо разделял его идеологические установки, либо подстраивался под них. Это породило ситуацию, о которой мы упомянули в начале статьи, говоря о феномене «возвращения автора», но уже в качестве «чистьищика» собственных текстов с целью их переиздания, а значит, и сокрытия старых смыслов. Ярким примером в этом смысле является Арнольд Гелен:

Он последовательно стер всякое созвучие национал-социалистической идеологии. Эти книги до сих пор в данной очищенной форме присутствуют на рынке. И он был не единственным — национал-социалистически ориентированные философы в новых

42. Так, например, Хоркхаймер и Адорно, вернувшись, создали Институт социальных исследований. Гельмут Плеснер стал просто профессором социологии в Геттингене (“Kaum einer, der sich nicht angepasst hätte”. Interview mit Hans Jörg Sandkühler. S. 60).

43. «Благодаря своим заслугам в философии г-н проф. Мартин Хайдеггер признан во всем мире как один из крупнейших философов современности. В Германии нет никого, кто бы его превосходил. Его философствование, почти сокрытое, связанное с глубочайшими вопросами, лишь косвенно распознаваемое в его трудах, делает его сегодня в философски скудном мире, пожалуй, единственной в своем роде фигурой. Европа и Германия, признавая важность духовного уровня и духовных способностей, обязаны позаботиться, чтобы такой человек, как Хайдеггер, мог спокойно работать, продолжать свои исследования и публиковать их» (Хайдеггер М., Ясперс К. Указ. соч. С. 369).

изданиях по большей части убрали расистски-националистические пассажи⁴⁴.

Часть этих философов позже составили консервативное крыло немецкой философии. Понятно, что среди них были и те, кто достаточно быстро разочаровался в национал-социалистической идеологии и пропаганде, но одновременно это свидетельствует о том, что изначально нацистские идеи захватили большинство. И в этом смысле Хайдеггер не составляет исключения, реализуя в своей жизни ту самую «банальность зла», о которой рассуждала, защищая Хайдеггера, Ханна Арендт.

Хайдеггер, безусловно, поддерживал нацистские идеи и поддерживал весьма активно, по сути выступая в роли идеолога, и даже был «опьянен» этой ролью, что отмечал Ясперс. Другой вопрос, насколько тесно его идеологические пассажи связаны со смыслом его философии и сохранилась ли эта связь после крушения нацизма. В связи с этим интересно проанализировать речи Хайдеггера. С апреля 1933 года по 23 января 1934 года, то есть за период чуть более полугода, он произносит 16 публичных речей (те, что зафиксированы документально), причем перед самой разной аудиторией: от профессоров до студентов и безработных. Здесь нет и намек на безразличие или какую-то философскую отстраненность от идей национал-социализма.

Базовой и наиболее фундаментальной стала известная речь, произнесенная 27 мая 1933 года, «Самоутверждение немецкого университета», которая достаточно широко обсуждалась (в том числе и нами) и продолжает обсуждаться; имеется несколько вариантов ее перевода, выразивших разные ценностные смыслы ее содержания. Тем не менее узловые моменты из нее также следует еще раз отметить. Именно здесь Хайдеггер, рассуждая о миссии университета, конструирует вектор «воли к власти» через «волю к науке» в качестве особой миссии немецкого народа в собственном государстве. «Научное значение и немецкая судьба должны сразу в сущностной воле прийти к власти»⁴⁵. Таким образом, центральным в университетском образовании должна стать подготовка вождей немецкого народа.

Понимание свободы в университете должно определяться понятием службы государству. И далее, Хайдеггер очень мощно как

44. "Kaum einer, der sich nicht angepasst hätte". Interview mit Hans Jörg Sandkühler. S. 60.

45. Хайдеггер М. Самоутверждение немецкого университета / Пер. с нем. В. Библихина // Историко-философский ежегодник 94. М.: Наука, 1995. С. 298.

философ и чеканно как идеолог формулирует общие идеологические принципы для студентов, которые должны служить государству. Он их конструирует как некую цепочку идеологических связанностей студентов с «народной общностью» посредством труда; с немецкой нацией, которую нужно уметь оборонять, в том числе не жалея собственной жизни; с духовным предназначением немецкого народа⁴⁶. Должны быть сформированы три службы: трудовой фронт, служба обороны и служба знаний (университетское образование). И соответственно, выполнить эти задачи можно только через доминирующий принцип фюрерства, которые Хайдеггер начинает весьма «оперативно» проводить в жизнь университета, причем не только в организации самого администрирования, но и в выстраивании системы управления научными исследованиями. Как отмечает Ханс Занер, сравнивающий позиции Ясперса и Хайдеггера по реформированию немецких университетов, философская позиция Хайдеггера здесь определяется поисками народности в виде некоего народного *Dasein* и одновременно

...укладывается в русло нацистской литературы... Не может быть никакого сомнения в том, что эта речь содействовала нацификации немецкого университета и тем самым — расширению влияния национал-социализма⁴⁷.

30 июня 1933 года в актовом зале Гейдельбергского университета Хайдеггер произносит еще одну речь, по сути являющуюся политической программой воспитания: «Университет в новом рейхе». Слушателей было огромное количество:

Присутствовал весь профессорский состав, а также представители города; студенчество и публика стеклись в актовый зал Нового университета в столь большом количестве, что пришлось открыть для них также и Большую аудиторию, куда выступление транслировалось по радио⁴⁸.

Философ развивает здесь идеи ректорской речи и миссию университета как служения государству. Главная задача универси-

46. См. анализ данной речи: Миронов В. В., Миронова Д. Указ. соч.

47. Занер Х. «Тезисы к вопросу об обновлении Высшей школы» (1933) Ясперса в критическом сравнении с ректорской речью Хайдеггера // Историко-философский ежегодник 94. С. 338.

48. Heidelbergster Neueste Nachrichten. № 150. 01.07.1933. S. 4 // Schneeberger G. Nachlese zu Heidegger. Dokumente zu seinem Leben und Denken. Bern, 1962. S. 73–75.

тета — это задача воспитания, и наука здесь лишь средство, позволяющее воспитывать «прослойку вождей в государстве». Обучение в университете не должно опираться только на научное исследование, ибо тогда, говорит Хайдеггер, доминирует «точка зрения учителей», что часто придает обучению формальный и «бесцельный характер».

Нужно, напротив, вести суровую борьбу в национал-социалистическом духе, который не могут скрыть гуманистические, христианские представления, подавляющие его безусловность⁴⁹.

Главная цель, которая может оправдать все, — это борьба за будущее существование государства. Не надо бояться тратить время на оборону и спорт, как кричат оппоненты, ибо это необходимо для государства. «Работа ради государства не может нести в себе никакой опасности, опасность несут безразличие и неповиновение»⁵⁰.

Обучение ради целей государства, продолжает Хайдеггер, есть не просто усвоение неких сведений, но преодоление неизвестного; в своей философской манере он выстраивает конструкцию, что обучение есть «впускание-учения (*Lernen-lassen*) и помещение-вучение (*Zum-Lernen-bringen*)». Такое обучение не дает никаких гарантий, оно требует мужества и основано на конкуренции и отборе сильнейших.

Кто не выстоит в борьбе, остается лежать. Новое мужество должно стать постоянным, ибо долгой будет борьба за те места, где воспитываются ведущие. Борьба ведется силой нового рейха, который делает реальностью народный канцлер Гитлер⁵¹.

22 октября 1934 года речь «Национал-социалистическая школа знания»⁵² была произнесена перед «более чем 600 занятыми на общественных работах безработными Фрайбурга, прошедшими перед тем, как собраться на митинг в актовом зале университета, маршем по улицам города»⁵³. Хайдеггер как опытный идеолог, учитывая характер аудитории, в очень доступной форме формулирует обязанности немца для достижения целей государства.

49. Heidegger M. Die Universität im Neuen Reich // Gesamtausgabe. Bd. 16. S. 762.

50. Ibid. S. 763.

51. Ibidem.

52. Название этой речи дали журналисты.

53. Der Alemanne. Kampfblatt der Nationalsozialisten Oberbadens. Folge 33. 01.02.1934. Abendausgabe. S. 9.

Риторически блестящее начало, в котором говорится о том, что именно государство, обеспечив создание рабочих мест, обеспечило «вам работу и кусок хлеба. Вы наслаждаетесь своим преимуществом перед остальными безработными нашего города»⁵⁴. Но это ведет к необходимости принятия на себя ряда обязанностей.

Необходимо поддерживать фюрера в проводимой им политике создания новых рабочих мест, ибо это необходимо для будущего. Именно работа делает человека сильным «для полноценного существования в качестве члена единого сообщества немецкого народа». Далее в 8 пунктах, опять же чеканным идеологическим языком, излагается, что нужно знать для реализации данной цели. Человек должен не просто работать, но, что особенно важно, осознать, для чего и почему он это делает. И в этом может помочь университет.

Вот здесь стоят ваши младшие университетские товарищи, готовые работать над этим новым знанием. Они полны решимости помочь вам в том, чтобы новое знание жило, возрастало и укреплялось в вас, не впадая снова в дрему. Они готовы помочь вам, но не как «зубрилы» из класса «лучших учеников», а как соотечественники, осознавшие свой долг...⁵⁵

Это единение должно преодолеть разрыв между работниками физического и умственного труда, которых теперь объединяет «новая общая воля». И последним пунктом формулируется идея всемирного единства немецкой нации, которая по сути является предвестником будущих войн за пространство, и каждый немец должен знать, что «восемнадцать миллионов немцев, хотя и являются неотъемлемой частью немецкого народа, но, живя за границами рейха, фактически не принадлежат рейху»⁵⁶.

Знание обеспечивает господство. Оно должно не сводиться к объему, а вытекать из нашего существования и возможности его использования в реальной деятельности.

Подлинным знанием обладают и крестьянин, и ремесленник — каждый из них по-своему и в своей сфере деятельности, равно как и ученый — в своей. И напротив, ученый при всей своей учености может обладать лишь видимостью знания⁵⁷.

54. Heidegger M. Zur Eröffnung der Schulungskurse für die Notstandsarbeiter der Stadt an der Universität (22. Januar 1934) // Gesamtausgabe. Bd. 16. S. 232.

55. Ibid. S. 762–763.

56. Ibidem.

57. Ibidem.

В то же время любой труд является по сущности духовным, если служит целям государства. «„Рабочие“ и „ученые“ не противостоят друг другу. Каждый рабочий обладает в своей области подлинным знанием, и лишь как знающий он способен вообще работать»⁵⁸.

И соответствующее риторическое завершение того периода, нацеленное на аудиторию: «Человеку, в высшей степени преисполненному этой небывалой волей, нашему фюреру Адольфу Гитлеру троекратно „Зиг Хайль“!»⁵⁹

В речи «К немецким студентам» (ноябрь 1933 года) о национал-социализме говорится как о революции, осуществляющей «переворот в нашем немецком бытии». Освоение знаний — это не знание ради знания, а умение его практического использования, это путь к «профессиям государства». Здесь следует отметить призыв к почти божественному восприятию вождя, который определяет и настоящее, и будущее: «Пусть не учения и „идеи“ будут правилом вашего бытия. Сам вождь и только он есть настоящая и будущая немецкая действительность и ее закон»⁶⁰.

11 ноября 1933 года в Лейпциге была произнесена речь на предвыборном митинге учителей и ученых. Очень многие идеи, что характерно для идеологов, повторяются, ибо по сути изменения здесь связаны лишь с форматом аудитории, но ее особенность — это агитационная направленность на то, чтобы интеллигенция поддерживала фюрера и его избранников, в чем и состоит суть свободных выборов. И опять характерный риторический прием:

Фюрер не просит народ. Скорее, он предоставляет народу непосредственную возможность в высшей степени свободно решить, желает ли народ собственно существовать как народ или не *желает*⁶¹.

Именно этим Хайдеггер оправдывает фюрера в том, что он вышел из Лиги наций (именно фюрер, а не страна), так как его действия по сути есть олицетворение действия германского народа. Как блестящий идеолог, Хайдеггер говорит о том, что мировое

58. Ibidem.

59. Ibidem.

60. *Idem.* Zum Semesterbeginn // Gesamtausgabe. Bd. 16. S. 184.

61. *Idem.* Ansprache am 11. November 1933 in Leipzig // Gesamtausgabe. Bd. 16. S. 190.

сообщество («мировое братство») основано на «насилии господства одних народов над другими», что неизбежно ведет к варварству. Поэтому фюрер осуществляет не незаконный акт, ибо «происходит лишь ясное осознание неприкосновенной самобытности каждого народа... Народ вновь обретает истину своей воли к существованию»⁶².

Здесь мы сталкиваемся с почти марксистской постановкой проблемы. Необходимо осознавать бытие, чтобы действовать осознанно. И для немецкого народа осознанное бытие означает «обладать решимостью к действию». Этим самым преодолевается «бессильное мышление» и служащая ему философия. Выбор, который осуществляет народ, отмечает Хайдеггер, раскрывает его предназначение и «дает гарантию мира».

Эту волю пробудил к жизни фюрер во всем нашем народе, сплотив нас ею для принятия одного единственно верного решения. Так пусть никто не сможет остаться в стороне в день изъясления этой воли!⁶³

Речь от 25 ноября 1933 года «Германский студент как работник» транслировалась по радио; это позволяет предположить, что власть нуждалась в идеологическом таланте философа. Хайдеггер здесь интерпретирует мысли Вильгельма фон Гумбольдта об автономии, на которых строилась модель классического университета, что означало, с одной стороны, соблюдение принципа невмешательства со стороны государства, а с другой — необходимость именно государственного финансирования университета. Этим достигалась свобода, которая при внешней независимости позволяла университету в конечном счете работать на государство. Должны ли эти принципы, спрашивает он, сохранять свою силу в период основательной перестройки, которая происходит в Германии? Как это может изменить статус студента и его бытие? Сегодня студент не просто служит науке, говорит он, а находится на службе у государства, и к процессу образования, что вполне логично, в новой ситуации добавляется трудовая и военно-спортивная повинность. Наступает время возникновения нового германского студента через реализацию нового бытия (так и хочется опять воскликнуть, что бытие определяет сознание), которое мы должны попытаться понять. И новое

62. Ibid. S. 191.

63. Ibid. S. 193.

бытие — это не просто старая действительность, «дополненная, и перекрашенная, и переименованная, которая с каждым днем от нас уходит»⁶⁴.

Немцы только сейчас становятся историческим народом, несмотря на свою длительную историю. Само понимание истории как ее длительности и уходящего прошлого не может быть только в силу этого обозначено как историческое. «История не является прошлым, тем более не является настоящим». Это деятельность, которая

... пронизывает настоящее из стремительно приближающегося будущего. <...> Быть историческим означает: действовать, зная, предвосхищая приходящее, чтобы таким образом освободить прошлое от своей обязательной силы, и сохраняя его в его меняющемся величии. Данное знание реализуется в формировании народа государством... Оно является побуждающим и связующим образованием, вписываясь в которое народ сливается со всеми великими силами человеческого бытия. Государство есть и становится, *осуществляя* эти силы в наличном бытии народа⁶⁵.

Природа — это только пространство, в котором обитает народ. Она становится той силой, которая обеспечивает наследование определенных черт и склонностей индивида, она же определяет условия здорового образа жизни. *Техника* связана со свободным действием природы и помогает ей служить народу. *История* народа, вписанная в природу, в стремлении к обеспечению пути и длительности его самости обеспечивает устройство государства. *Искусство* отображает как сущностную истину величие и предназначение народа.

В процессе становления государство обнаруживает эти силы и определяет их границы, раскрывая тем самым истину. Народ, таким образом, благодаря становлению государства возвращается в подлинную истину. И только отсюда вытекает возможность, необходимость и тяга к знаниям и, соответственно, к науке:

Предпосылкой всей науки является тем самым пробуждение осуществления силы подлинного притязания на знания. Реализация данного притязания и тем самым создание такой предпосылки происходит в становлении нашего государства... Это мо-

64. *Idem*. Der deutsche Student als Arbeiter // Gesamtausgabe. Bd. 16. S. 199.

65. *Ibid*. S. 200.

жет происходить очевидно только там, где полный сил народ доходит до корней своего наличного бытия, где он смело стремится к самому себе, — в немецкой молодежи⁶⁶.

Новый студент — это не традиционный студент-школяр, чья цель — учиться и получать знания. Для него учеба — это работа, но опять же не в смысле работника умственного труда. Новый студент-рабочий — не рабочий в традиционном понимании. Он не объект эксплуатации и участник классовой борьбы. Труд не есть производство благ и не понятие культуры.

Труд перемещает и вписывает народ в поле действия всех существенных сил государства. Образование народного бытия, оформляющееся в труде и как труд, — государство. Национал-социалистическое государство — это государство труда. <...> Прежний студент только рабочий потому и в той мере, в которой он «учится». Новый же студент «учится, потому что он рабочий». И учеба сейчас означает: развертывание воли стать знающими, чтобы укрепить и приумножить то знание, в силу которого наш народ становится историческим⁶⁷.

Такой тип студента пока исключение, он разовьется лишь через поколение. Под углом зрения именно этого нового студента и обязательств, которые студенты должны были взять на себя, Хайдеггер призывает:

...я обязываю вас выполнить волю и дело нашего фюрера Адольфа Гитлера. Я привязываю вас к законам наличного бытия нового немецкого студента. Я требую от вас дисциплины и серьезности и жесткости в отношении вас самих. Я требую от вас самоотверженности и образцовости поведения в отношении всех германских соотечественников. Хайль Гитлер!⁶⁸

Речь «Призыв к трудовому служению» в январе 1934 года вновь посвящена проблеме воспитания юношества. Трудовое служение «дает базовый опыт простой грубой жизни, близости к почве и орудиям труда, законности и строгости простейшего физического и потому сущностного, группового труда»⁶⁹. Оно должно быть строго регламентированным и подчиняться дисциплине.

66. Ibid. S. 201–202.

67. Ibid. S. 205–206.

68. Ibid. S. 208.

69. *Idem*. Der Ruf zum Arbeitsdienst// Gesamtausgabe. Bd. 16. S. 238.

Хайдеггер говорит, что это может обеспечить в наибольшей степени «сообщество трудового лагеря», где могут каждодневно закрепляться трудовые навыки, обеспечивая сплоченность такого сообщества. Именно здесь формируется «подлинное товарищество» как результат «принуждения, диктуемого для всех большой угрозой».

Такое служение способно преобразовать немецкую молодежь, формируя в том числе «новое отношение к научной работе».

При этом совершенно исчезают те понятия «духа» и «духовной деятельности», которыми прежде жил слой «образованных» людей и которые теперь все еще пытаются отстаивать их отдельные представители ради собственного слоя «духовных деятелей. Мы только тогда поймем, что любая работа как работа духовна⁷⁰.

Истинная духовная деятельность заключается не в ее направленности на сферу духа, а в степени отражения нужд народа и «угроз человеческому существованию». Для немецкого народа есть лишь «единственная жизненная позиция» — это «укорененная в плодотворном основании народа и свободно реализуемая в исторической воле государства трудовая позиция, предварительно формируемая движением национал-социалистической немецкой рабочей партии»⁷¹. И этой максиме должны быть подчинены все, в том числе «немощные, ленивые и неполноценные».

Речь «Слово назидания алеманнскому народу» (январь 1934 года)⁷² — своеобразный геополитический вариант идеолога Хайдеггера, который обосновывает необходимость для алеманнских племен (юго-запад современной Германии, включая север Швейцарии и запад Австрии) включиться в общую «политическую волю немцев», связанную с перемещением на северо-восток, что является условием «соволения (*Mitwollen*) с единой национал-социалистической государственной волей»⁷³.

Вышеприведенные речи Хайдеггер произнес, будучи ректором. Обычно указывают на то, что он достаточно быстро отказывается от попыток реформирования университета на почве национал-

70. Ibid. S. 238–239.

71. Ibid. S. 239.

72. Это перевод немецкого варианта названия, данного речи Хайдеггера журналистами. У самого Хайдеггера это «Нерастраченное алеманство». См. ниже.

73. *Idem*. Das unverbrauchte Alemannentum // Gesamtausgabe. Bd. 16. S. 240 (название дано не Хайдеггером).

социализма. Однако это не совсем так, и по сути Хайдеггер скорее упрекает народ (студентов и доцентов), которые оказались не готовы к этим преобразованиям. Сама же идея такого понимания власти сомнению не подвергается. И как философ он не был бы Хайдеггером, если бы не попытался обосновать это, что он частично и делает в «Черных тетрадах». Вот основные пункты его позиции.

«Я вступил в свою должность слишком рано, или, лучше сказать: абсолютно напрасно»⁷⁴. Лидеры, «адекватные эпохе» занимались не столько трансформацией действительности, сколько количественным «накоплением» нового, в виде «новых учреждений». То есть по сути Хайдеггер упрекает руководство высшей школы или все руководство тогдашней страны в том, что осуществляется не реформа, а имитация, в которой «существенное вполне может оставаться прежним». Правда, отмечает он, «сила существования (*Dasein*)» продолжает тем не менее накапливаться для будущей реформы высшей школы в Германии. Примечательно, что он не хочет участвовать в этой работе, но одновременно указывает, что он и не будет оставаться в стороне: «Мы останемся на невидимом фронте тайной духовной Германии»⁷⁵.

Dasein, как структура «народно-государственного существования», «создает Движение в соответствии с организационным методом, определенным солдатами и инженерами»⁷⁶. Данный вариант *Dasein* — это своеобразная временная жертва ради будущего. Далее идет критика реформ, связанная с тем, что в университетах господствующей силой стали студенты («власть студентов»), а преподаватели превратились лишь в исполнителей, что формирует у студентов «самонадеянность», которая вовсе не основана на знаниях как «владении ремеслом», что отражает «духовно-мировоззренческую» незрелость⁷⁷.

Неудавшийся год — потерянный — если бы *неудача* не была высшей формой человеческого опыта, в которой мы встречаемся с действующими силами мира в их беспощадной способности воздействия, учимся ощущать их игру и расположение⁷⁸.

74. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938) / Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. С. 176.

75. Там же.

76. Там же. С. 178.

77. Там же. С. 181.

78. Там же. С. 182.

Университету не удалось выполнить ни воспитательных, ни мировоззренческих, ни наукообразующих задач, и он теперь будет вести «антикварное» существование, то есть выполнять функцию подготовки студентов для получения профессии. А такая задача связана лишь с решением количественных задач. «Граница „качества“, сущностной пригодности пролегает где-то в другом месте»⁷⁹.

Таким образом, Хайдеггер вовсе не уходит в сторону, более того, уже не будучи ректором, он продолжает выполнять миссию «невидимого духовного фронта», в том числе и публично. Можно в качестве примера остановиться здесь лишь на двух публичных докладах, которые были им произнесены 15 и 16 августа 1934 года, то есть уже более чем через полгода после отставки, перед студентами-иностранцами Фрайбургского университета. Здесь прежде всего обосновывается идея, что немецкое национал-социалистическое движение — это революция, которая была подготовлена мировой войной. Война породила сплоченность нации и «сильную волю», которые стали основанием для формирования по сути нового немецкого народа. «Этот новый дух фронта нес в себе сильную волю стать действенной после войны как определяющая сила в наличном бытии народа»⁸⁰. Война не может оцениваться лишь исторически, как цепь событий, проводящая к тем или иным последствиям, изменениям границ и пр.

Далее Хайдеггер обосновывает необходимость лидера этой революции в лице фюрера и жесткого проведения фюрерства как принципа управления. Независимо от целей войны и позитивного или негативного отношения к ней, она укрепляет общество как особого рода целостную структуру. «Из последователей (*Gefolgschaft*) и внутри них возникает и укрепляется сообщество как товарищество»⁸¹. Именно здесь соединяются в единое целое умение подчиняться («слушать и слушаться»), через которое реализуется жесткое проведение единой воли. Эту роль может выполнять фюрер как личность, способная «слушать и слушаться», а значит, руководить (*führen*)⁸².

79. Там же. С. 183.

80. *Idem*. Die deutsche Universität (Zwei Vorträge in den Ausländerkursen der Freiburger Universität, 15. und 16. August 1934) // Gesamtausgabe. Bd. 16. S. 298–299.

81. *Ibid*. S. 300.

82. У нас существует схожая поговорка: «Кто не умеет подчиняться, не сможет подчинять».

Фюрер не тот, кто посажен-впереди других, а тот, кто вместе с другими может слушать более безусловно и более решительно слушаться закона. Фюрер тот, кто делает больше других, потому что он больше выдерживает, на большее отваживается и большим жертвует⁸³.

Именно эти принципы Хайдеггер пытался проводить, будучи ректором, правда не справившись со студенчеством, которое также было одержимо идеями фюрерства. Это и стало внутренней причиной отставки Хайдеггера. Ведь, по сути, он не овладел этим умением или уступил более сильным.

Суть национал-социалистической революции заключается в том, что Адольф Гитлер возвысил и осуществил тот новый дух сообщества до уровня формирующей силы нового порядка народа. Таким образом, национал-социалистическая революция не является внешним принятием существующей государственной власти партией, доросшей до того в достаточной мере, а внутренним перевоспитанием целого народа...⁸⁴

Очень любопытно, что поскольку революция обозначается как национал-социалистическая, то Хайдеггер дает в этом выступлении собственное понимание социализма, говоря о том, что именно социализм, а не национализм отражает ее сущность. Социализм — это не просто «изменение экономического строя», основанного на уравниловке, «не бесцельное общее благо» (по-видимому, имеется в виду советский социализм). Социализм — «это забота о внутреннем порядке сообщества народа»⁸⁵. Поэтому в нем должна быть иерархия «согласно призванию и достижениям» и признание «достоинства любого труда и неприкосновенной чести исторического наличного бытия народа»⁸⁶.

И далее обосновывается, по сути, необходимость культа фюрера как личности, который стоит во главе указанной иерархии. И в этом смысле он по определению велик (каковым бы он ни был в реальности, добавим мы).

У фюрера надежное знание о простом. Одновременно у него неукротимая воля к его осуществлению. Тот, кто хочет видеть великое, сам должен обладать величиной, маленький видит всегда

83. Ibidem.

84. Ibid. S. 302.

85. Ibid. S. 304.

86. Ibidem.

маленькое, — которое, правда, необходимо и там, где великое, точно так же, как тень может быть только при свете⁸⁷.

Напомним, что все это произносится после отставки с поста ректора и «разочарования» в национал-социалистическом движении. Анализируя речи Хайдеггера, мы видим слияние философии и идеологии, когда фундаментальные философские идеи риторически упрощаются и камуфлируются под ожидания масс и волю государства. Как здесь не вспомнить Маркса, говорящего об идеях, которые становятся материальной силой, когда овладевают массами. Для такого овладения необходимы механизмы и формы привнесения идей в массы и философы, которые могут это осуществить. Речи Хайдеггера, несмотря на их явную упрощенность в ряде случаев, вполне отвечают этим требованиям. Они наполнены философской рефлексией, заставляя нас опять-таки усомниться в том, что для философа его увлечение национал-социализмом было лишь временным, — настолько он здесь ярок и искренен. А если это была лишь временная маска, то возникает проблема определения того, а где же был подлинный Хайдеггер и для чего ему было нужно такое временное «опьянение». Перед нами, нравится это кому-то или нет, работа блестящего идеолога, которой можно восхищаться и одновременно испытывать страх перед коварством человеческого разума. И тогда в большей степени становится понятным вышеприведенное предупреждение Яспера об опасности допущения такого таланта к преподаванию.

Таким образом, альянс философа с властью, подтверждая верность нашего изначального тезиса, заканчивается для Хайдеггера печально. Он, конечно, понимает это и в заключительной речи в связи со своей отставкой констатирует, что задача реформирования выполнена не была. Именно здесь намечается будущая линия объяснения того, что с ним произошло. Он стремился к высоким целям, но оказался непонятым окружающими его людьми, которые и обозначаются им как посредственность. Обратим внимание на это утверждение: не он сам в чем-то виноват, а виновато окружение.

Когда Хайдеггер вместе с Ясперсом прорабатывали идею «аристократической реформы» университета, они считали, что служат «Великому». «Оба философа унижаются перед Великим, чтобы еще увереннее возвыситься над современным», — отмечает Михаил Рыклин, но, в отличие от Яспера, Хайдеггер пытается про-

87. Ibid. S. 307.

никнуть «в интимную сферу Великого, отыскивая в ней то малое, бесконечно малое, что делает его Великим...»⁸⁸ Пока все это реализовывалось на уровне идей, в качестве такого «Великого» и выступала сама эта идея. А вот когда Хайдеггер попытался найти Великого в реальной жизни, им стал реальный властитель, фюрер. Оказывается, что любовь деспота и преданность ему вовсе не гарантируют безопасности «любящему», — скорее напротив.

Философ, ставший идеологом, должен не просто подчиняться Власти, но любить ее, а значит, любить и конкретного человека (тирана, деспота), который является олицетворением власти. Но такая любовь делает человека беззащитным перед тираном и обрекает его на гибель — в физическом, моральном или интеллектуальном смысле. Неизбежно происходит «оборачивание», когда не тиран выступает в качестве средства достижения великих целей для философа (как ему хотелось бы), а, наоборот, философ помогает реализации целей тирана. Процесс «разрыва» «интимных» отношений с властью (если их вообще удастся разорвать) оказывается тяжелым и может закончиться для мыслителя трагически или трагикомически.

Библиография

- “Kaum einer, der sich nicht angepasst hätte”. Interview mit Hans Jörg Sandkühler // Philosophie Magazin. 2015. Sonderheft 03. Die Philosophen und der Nationalsozialismus. S. 57–62.
- Anmerkung 2 und 3 zu Arendt — Jaspers, 04.07.1966 // Arendt H., Jaspers K. Briefwechsel 1926–1969 / L. Köhler, H. Saner (Hg.). München; Zürich: Piper, 1985.
- Arendt — Jaspers, 13.04.1965 // Arendt H., Jaspers K. Briefwechsel 1926–1969 / L. Köhler, H. Saner (Hg.). München; Zürich: Piper, 1985.
- Arendt — Jaspers, 18.04.1966 // Arendt H., Jaspers K. Briefwechsel 1926–1969 / L. Köhler, H. Saner (Hg.). München; Zürich: Piper, 1985.
- Arendt H. Denktagebuch 1950–1973 / U. Ludz, I. Nordmann (Hg.). München; B.; Zürich: Piper, 2016.
- Arendt H., Jaspers K. Briefwechsel 1926–1969 / L. Köhler, H. Saner (Hg.). München; Zürich: Piper, 1985.
- Baeumler A. Männerbund und Wissenschaft. B.: Junker & Dünnhaupt, 1943.
- Der Alemanne. Kampfblatt der Nationalsozialisten Oberbadens. Folge 33. 01.02.1934. Abendausgabe.
- Heidegger H. Nachwort des Herausgebers // Heidegger M. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000. Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 829–842.

88. Рыклин М. Указ. соч. С. 29.

- Heidegger M. Ansprache am 11. November 1933 in Leipzig // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000. Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 190–193.
- Heidegger M. Aufbau einer neuen geistigen Welt // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000. Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 82–83.
- Heidegger M. Das unverbrauchte Alemannentum // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000. Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 240.
- Heidegger M. Der deutsche Student als Arbeiter // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000. Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 198–208.
- Heidegger M. Der Ruf zum Arbeitsdienst // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000. Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 238–239.
- Heidegger M. Die deutsche Universität (Zwei Vorträge in den Ausländerkursen der Freiburger Universität, 15. und 16. August 1934) // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000. Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 285–307.
- Heidegger M. Zum Semesterbeginn // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000. Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 184–185.
- Heidegger M. Zur Eröffnung der Schulungskurse für die Notstandsarbeiter der Stadt an der Universität (22. Januar 1934) // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000. Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 232–237.
- Heidegger M. Die Universität im Neuen Reich // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000. Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 761–763.
- Heidegger-Jahrbuch 4: Heidegger und der Nationalsozialismus I / A. Denker, H. Zaborowski (Hg.). Freiburg; München: Karl Alber, 2009.
- Heidelberger Neueste Nachrichten. 01.07.1933. № 150.
- Jahr C. Die nationalsozialistische Machtübernahme und ihre Folgen // Geschichte der Universität unter den Linden 1810–2010 / H.-E. Tenorth (Hg.). B.: Akademie-Verlag, 2012. Bd. 2. Die Berliner Universität zwischen den Weltkriegen 1918–1945.
- Schneeberger G. Nachlese zu Heidegger. Dokumente zu seinem Leben und Denken. Bern, 1962.
- Spiegel-Gespräch mit Martin Heidegger (23. September 1966) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000. Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 652–683.
- Арендт Х., Хайдеггер М. Письма 1925–1975 и другие свидетельства / Пер. с нем. А. Григорьева. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Занер Х. «Тезисы к вопросу об обновлении Высшей школы» (1933) Ясперса в критическом сравнении с ректорской речью Хайдеггера // Историко-философский ежегодник 94. М.: Наука, 1995. С. 327–339.
- Интервью Александра Басова с Эмманюэлем Файем // Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия / Под ред. М. Ларюэль и Э. Файя; под науч. ред. М. Мажцкого. М.: Дело, 2018.
- Миронов В. В., Миронова Д. Философ и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 21–38.

- Мотрошилова Н. В. Мартин Хайдеггер и Ханна Arendt: бытие — время — любовь. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2013.
- Письмо 45. Мартин Хайдеггер — Ханне Arendt (зима 1932/1933) // Arendt Х., Хайдеггер М. Письма 1925-1975 и другие свидетельства / Пер. с нем. А. Григорьева. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 71-72.
- Платон. Федр / Пер. с др.-греч. А. Н. Егунова; под ред. Ю. А. Шичалина. М.: Прогресс, 1989.
- Погорельская С. В. «Черные тетради» в контексте меняющейся германской идентичности (аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 2017. № 1. С. 162-177.
- Рыклин М. Метаморфозы великих гномов // Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка 1920-1963 / Пер. с нем. И. Михайлова, под ред. Н. Федоровой. М.: Ad Marginem, 2001. С. 11-54.
- Стайнер А. Дело Мартина Хайдеггера, философа и нациста. Ч. 2 // World Socialist Web Site. 15.07.2000. URL: <http://wsws.org/ru/2000/jul2000/heid-j15.shtml>.
- Фалёв Е. В. «Черные тетради» и новый виток суда над Хайдеггером // Философское образование. Вестник Межвузовского центра по русской философии и культуре. 2016. Т. 34. № 2. С. 35-45.
- Хайдеггер М. «Только Бог сможет еще нас спасти...» // Heidegger.ru. URL: <http://heidegger.ru/shpigel.php>.
- Хайдеггер М. Размышления II-VI (Черные тетради 1931-1938) / Пер. с нем. А. Б. Григорьева; под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
- Хайдеггер М. Самоутверждение немецкого университета / Пер. с нем. В. Бибилина // Историко-философский ежегодник 94. М.: Наука, 1995. С. 298-304.
- Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка 1920-1963 / Пер. с нем. И. Михайлова; под ред. Н. Федоровой. М.: Ad Marginem, 2001.
- Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия / Под ред. М. Ларюэль и Э. Файя; под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Дело, 2018.

EIN KNABE, DER TRÄUMT, OR INTOXICATION BY POWER

VLADIMIR MIRONOV. Corresponding Member, Russian Academy of Sciences (RAS); Dean, vlamironov@yandex.ru.

DAGMAR MIRONOVA. Associate Professor, Faculty of Political Science, dagmar@mail.ru.

Lomonosov Moscow State University (MSU), 27 Lomonosovsky ave., Bldg 4, GSP-1, 119991 Moscow, Russia.

Keywords: Martin Heidegger; “death of the author”; National Socialism; philosopher and authority.

The article analyzes several clusters of problems introduced by the publication of Martin Heidegger’s *Black Notebooks*. First, various explanations of how this material came to be published in its present form are considered. Then it is proposed that Heidegger lends himself to a unique a kind of philosophical experiment in which the subject is the man himself as a personality whose thoughts remain fixed and are available to us. At the center of this experiment is the form itself of “deferred” reflection which reflects events at the time they originated. The purity of this experiment is assured by the physical absence of the author who can no longer influence the evaluation of his texts and actions. This is a very specific model for the “return of the author” because we cannot ignore the author’s opinion. At the same time it is a very specific refutation of the postmodern doctrine of “the death of the author.” It turns out that in a number of cases we are obliged to take the author into account.

The article examines in detail the problem of the philosopher’s “intoxication” by the idea of the National Socialist revolution and his position as an ideological philosopher during his rectorate of the University of Freiburg. Numerous ideological speeches of the philosopher are analyzed. And the question of the relation between philosophy and the authorities as a whole is examined.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-3-149-179

References

- “Kaum einer, der sich nicht angepasst hätte”. Interview mit Hans Jörg Sandkühler. *Philosophie Magazin*, 2015, Sonderheft 03: Die Philosophen und der Nationalsozialismus, S. 57–62.
- Anmerkung 2 und 3 zu Arendt — Jaspers, 04.07.1966. In: Arendt H., Jaspers K. *Briefwechsel 1926–1969* (Hg. L. Köhler, H. Saner), München, Zürich, Piper, 1985.
- Arendt — Jaspers, 13.04.1965. In: Arendt H., Jaspers K. *Briefwechsel 1926–1969* (Hg. L. Köhler, H. Saner), München, Zürich, Piper, 1985.
- Arendt — Jaspers, 18.04.1966. In: Arendt H., Jaspers K. *Briefwechsel 1926–1969* (Hg. L. Köhler, H. Saner), München, Zürich, Piper, 1985.
- Arendt H. *Denktagebuch 1950–1973* (Hg. U. Ludz, I. Nordmann), München, Berlin, Zürich, Piper, 2016.
- Arendt H., Heidegger M. *Pis'ma 1925–1975 i drugie svidetel'stva* [Letters 1925–1975 and Other Records] (trans. A. B. Grigor'ev), Moscow, Gaidar Institute Press, 2015.
- Arendt H., Jaspers K. *Briefwechsel 1926–1969* (Hg. L. Köhler, H. Saner), München, Zürich, Piper, 1985.
- Baeumler A. *Männerbund und Wissenschaft*, Berlin, Junker & Dünnhaupt, 1943.
- Der Alemanne. Kampfblatt der Nationalsozialisten Oberbadens*, February 1, 1934, Folge 33, Abendausgabe.

- Falev E. V. "Chernye tetradi" i novyi vitok suda nad Khaideggerom ["Black Notebooks" and New Round of Heidegger's Trial]. *Filosofskoe obrazovanie. Vestnik Mezhhvuzovskogo tsentra po russkoi filosofii i kul'ture* [Philosophical Education. Herald of Interacademic Centre of Russian Philosophy and Culture], 2016, vol. 34, no. 2, pp. 35–45.
- Heidegger H. Nachwort des Herausgebers. In: Heidegger M. *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2000, Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, S. 829–842.
- Heidegger M. "Tol'ko Bog smozhet eshche nas spasti..." ["Nur noch ein Gott kann uns retten..."]. *Heidegger.ru*. Available at: <http://heidegger.ru/shpigel.php>.
- Heidegger M. Ansprache am 11. November 1933 in Leipzig. *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2000, Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, S. 190–193.
- Heidegger M. Ansprache am 11. November 1933 in Leipzig. *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2000, Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges.
- Heidegger M. Aufbau einer neuen geistigen Welt. *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2000, Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, S. 82–83.
- Heidegger M. Das unverbrauchte Alemannentum. *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2000, Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, S. 240.
- Heidegger M. Der deutsche Student als Arbeiter. *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2000, Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, S. 198–208.
- Heidegger M. Der Ruf zum Arbeitsdienst. *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2000, Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, S. 238–239.
- Heidegger M. Die deutsche Universität (Zwei Vorträge in den Ausländerkursen der Freiburger Universität, 15. und 16. August 1934). *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2000, Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, S. 285–307.
- Heidegger M. *Razmyshleniia II–VI (Chernye tetradi 1931–1938)* [Überlegungen II–VI (Schwarze Hefte 1931–1938)] (trans. A. B. Grigor'ev, ed. M. Maiatsky), Moscow, Gaidar Institute Press, 2016.
- Heidegger M. Samoutverzhdnie nemetskogo universiteta [Die Selbstbehauptung der deutschen Universität] (trans. V. Bibikhin). *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 94* [Historico-Philosophical Annual 94], Moscow, Nauka, 1995, pp. 298–304.
- Heidegger M. Zum Semesterbeginn. *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2000, Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, S. 184–185.
- Heidegger M. Zur Eröffnung der Schulungskurse für die Notstandsarbeiter der Stadt an der Universität (22. Januar 1934). *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2000, Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, S. 232–237.
- Heidegger M., Jaspers K. *Perepiska 1920–1963* [Correspondence, 1920–1963] (trans. I. Mikhailov, ed. N. Fedorova), Moscow, Ad Marginem, 2001.
- Heidegger M. Die Universität im Neuen Reich. *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2000, Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, S. 761–763.

- Heidegger-Jahrbuch 4: Heidegger und der Nationalsozialismus I* (Hg. A. Denker, H. Zaborowski), Freiburg, München, Karl Alber, 2009.
- Heidelberger Neueste Nachrichten*, July 1, 1933, no. 150.
- Interv'iu Aleksandra Basova s Emmanuelem Faiem [Interview with Emmanuel Faye by Alexander Basov]. *Khaidegger, "Chernye tetradi" i Rossiia* [Heidegger, "Black Notebooks" and Russia] (comp. eds M. Laruelle, E. Faye, sc. ed. M. Maiatsky), Moscow, Delo, 2018.
- Jahr C. Die nationalsozialistische Machtübernahme und ihre Folgen. *Geschichte der Universität unter den Linden 1810–2010* (Hg. H.-E. Tenorth), Berlin Akademie-Verlag, 2012, Bd. 2. Die Berliner Universität zwischen den Weltkriegen 1918–1945.
- Khaidegger, "Chernye tetradi" i Rossiia* [Heidegger, "Black Notebooks" and Russia] (comp. eds M. Laruelle, E. Faye, sc. ed. M. Maiatsky), Moscow, Delo, 2018.
- Mironov V. V., Mironova D. Filosof i vlast': sluchai Khaideggera [Philosopher and Power: Case of Heidegger]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2016, no. 7, pp. 21–38.
- Motroshilova N. V. *Martin Khaidegger i Khanna Arendt: bytie — vremia — liubov'* [Martin Heidegger and Hannah Arendt: Being — Time — Love], Moscow, Akademicheskii proekt, Gaudeamus, 2013.
- Pis'mo 45. Martin Khaidegger — Khanne Arendt (zima 1932/1933) [Letter 45. From Martin Heidegger to Hannah Arendt (Winter 1932/1933)]. In: Arendt H., Heidegger M. *Pis'ma 1925–1975 i drugie svidetel'stva* [Letters 1925–1975 and Other Records] (trans. A. B. Grigor'ev), Moscow, Gaidar Institute Press, 2015, pp. 71–72.
- Plato. *Fedr* [Phaedrus] (trans. A. N. Egunov, ed. Iu. A. Shichalin), Moscow, Progress, 1989.
- Pogorel'skaia S. V. "Chernye tetradi" v kontekste meniaiushcheisia germanskoi identichnosti (analiticheskii obzor) ["Black Notebooks" in the Context of Shifting German Identity (Analytical Survey)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Serii 3: Filosofii. Referativnyi zhurnal* [Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 3: Philosophy. Abstract Journal], 2017, no. 1, pp. 162–177.
- Ryklin M. *Metamorfozy velikikh gnomov* [Metamorphoses of Great Gnomes]. In: Heidegger M., Jaspers K. *Perepiska 1920–1963* [Correspondence, 1920–1963] (trans. I. Mikhailov, ed. N. Fedorova), Moscow, Ad Marginem, 2001, pp. 11–54.
- Saner H. "Tezisy k voprosu ob obnovenii Vysshei shkoly" (1933) Iaspersa v kriticheskom sravnenii s rektorskoi rech'iu Khaideggera [Jaspers's "Theses" on the Question of University Rejuvenation (1933). A Critical Comparison with Heidegger's "Rectorial Address"]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 94* [Historico-Philosophical Annual 94], Moscow, Nauka, 1995, pp. 327–339.
- Schneeberger G. *Nachlese zu Heidegger. Dokumente zu seinem Leben und Denken*. Bern, 1962.
- Spiegel-Gespräch mit Martin Heidegger (23. September 1966). In: Heidegger M. *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2000, Bd. 16. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, S. 652–683.
- Steiner A. Delo Martina Khaideggera, filosofa i natsista. Ch. 2 [The Case of Martin Heidegger, Philosopher and Nazi. P. 2]. *World Socialist Web Site*, July 15, 2000. Available at: <http://wsws.org/ru/2000/jul2000/heiz-j15.shtml>.